

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

1. [30 баллов] ВРАЧИ и ПАЦИЕНТЫ

*Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство...*

А.С. Пушкин

Герои русской литературы XVIII–XIX вв. болеют и умирают от болезней.

А. Назовите 7–10 героев русской литературы XVIII–XIX вв., мнимо или подлинно болеющих (возможно, умирающих от болезни). Укажите названия произведений, их авторов, а также значение болезни для развития сюжета или характера персонажа. По возможности укажите диагноз.

Б. Назовите также персонажей-врачей.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988)

В КАБИНЕТЕ ХИРУРГА

В белой бязевой рубашке навыпуск и таких же штанах профессор напоминал полового в старинном русском трактире. Он сидел за массивным столом в кабинете, бледный, длинноносый, уставший после очередной операции, и что-то сосредоточенно записывал. Я дружила с ним, и иногда мне удавалось уговорить его поехать к нам на дачу, подышать свежим воздухом и пообедать в кругу друзей.

С этой целью я и зашла за ним в один из весенних дней в пять часов вечера.

– Здравствуйте, милая моя. – Он поднял на меня глаза и, оживившись, указал на кресло возле стола: – Садитесь, пожалуйста, я скоро освобожусь.

Я забралась в кресло и украдкой начала разглядывать его характерное лицо с острыми, выразительными чертами, его угловатые плечи, обнажённые по локоть руки, сильные, нервные, его опущенные белёсые ресницы, задумчиво моргавшие под большими стёклами очков. Было в этом суховатом лице нечто магнетически приковывающее ваше внимание, какой-то «сверхинтеллект» присутствовал в каждом его выражении. За лёгкой иронией, сквозившей в приспущенных веках и вежливой улыбке, всегда таился живой темперамент, горела неугасимая жажда познания и совершенствования, и всё это

воплощалось в его подлинном, врождённом артистизме. Если б он не был хирургом, был бы великим актёром. Своей значительностью и благородством лицо профессора напоминало какого-то старинного европейского вельможу. Такие лица можно встретить на холстах голландских мастеров – под чёрным беретом, над белоснежными брыжами, чёрный бархат, золотая цепь. А душа в нём была пылкая, вдохновенная душа русского артиста...

Дверь приоткрылась, и кто-то робко спросил:

– Можно?

– Можно. Кто это? – не отрываясь от рукописи, пробурчал профессор.

Худой человек в железнодорожной форме с брюзгливо опущенными углами рта вошёл и стал возле стола.

– Тебе чего? – Профессор вскинул глаза.

– Болит, – мрачно прогудел посетитель.

– Что болит-то? – Профессор продолжал писать.

– Да вот семь лет назад, – нерешительно начал посетитель, – вы мне удалили желудок...

– Ну и что? – Профессор оторвался от рукописи и внимательно уставился на железнодорожника.

– Ну, вот теперь, как чуть больше покушаешь, ноет... отзывно так.

– Скинь китель и заверни рубаху, – приказал профессор, и посетитель торопливо принялся раздеваться.

Когда обнажился худой, втянутый, пересечённый швом живот, пальцы профессора легли на желтоватую кожу. Пальцы эти, длинные, гибкие, как у пианиста, нажимали, вдавливались легко и упруго, прощупывали, поглаживали, словно выпрашивая, словно ведя таинственную беседу, прислушиваясь, выискивая, и подозревая, и снова успокаиваясь.

– Ну что же, брат, полный порядок у тебя в животе. Ничего не вижу опасного. – Профессор поправил очки и снизу вверх посмотрел на пациента строго, но весело.

– А почему же, к примеру, как чуть картошки больше возьмёшь, так ночью схватит... ух ты боже мой как! – громко жаловался железнодорожник, и в голосе его послышался горький упрёк.

– А тебе что, много надо ещё лопать? – вскинул брови профессор.

Железнодорожник стоял с поднятой рубахой и смотрел на профессора огорчённо и недоверчиво.

– Ты пойми, что тебе-то без желудка надо есть почаще и помалу. Пойми, что уже семь лет, как должен бы гнить в земле. – Голос профессора стал раздражённым. – А ты по земле разгуливаешь! Работаешь, с женой, поди, препираешься, ребят шлёпаешь, с приятелями выпиваешь... Ты же живёшь! – И вдруг, озлившись, профессор встал с кресла и крикнул: – Ведь живёшь! Да ещё хочешь, чтоб много можно было есть, всё тебе мало? Эх, ты! Каждый день должен бы спасибо говорить! А ты ещё обижаешься... Сукин ты сын, больше никто! – Он повернулся и зашагал по кабинету.

Железнодорожник быстро заправил рубаху, надел китель и со смущённой улыбкой подошёл к профессору:

– Извините, Сергей Сергеевич! Простите великодушно. Ваша правда. Простите меня, дурака. Вот ведь обжора! И то правда, что сукин сын я ненасытный! – И с каким-то отчаянием добавил: – Ну, не буду вас больше тревожить, извините, больше не буду! – Он вдруг обхватил сухие плечи профессора и поцеловал его в губы, потом тихо выскользнул из кабинета, притворив дверь за собой.

А Сергей Сергеевич повернулся ко мне, всё ещё сидящей на прежнем месте, вежливо улыбнулся и, сказав: «Извините, я ненадолго оставлю вас!» – вышел в соседнюю комнату.

Через две минуты он появился свежий, элегантный, в светло-сером костюме.

– Я готов. Едемте! – И, улыбнувшись, Юдин широко распахнул передо мной дверь кабинета.

(Из книги «Волшебство и трудолюбие», 1989)

Вариант 2

Александр Петрович Межиров (1923–2009)

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полёта,

Очереди пулемёта
режут под корень траву.

Я сплю,
положив голову
на синявинские болота,

А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.

И, когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,

Синявинские болота
хлюпают подо мной.

А когда я встаю
и делаю шаг в атаку, —
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на моё плечо
на погон полевой, зелёный
Падают первые капли,
майские капли дождя.

А я всё дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива.
Я пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.

А весна между тем крепчает,
и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамёна
бросить к ногам Кремля.

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжёлые веки,
вижу, как наяву,
Я сплю,
положив под голову
синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.
(1954)

Максимальное количество баллов за все выполненные задания – 70.